

О привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности (оговорка в Постановлении Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 21 мая 2021 года № 20-П)

Терещенко Татьяна Алексеевна

кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Российская Федерация, руководитель аналитического отдела адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург», адвокат, FCI Arb, арбитр МТС IUS арбитражного центра «ИСА», РАА; t.tereshchenko@hlbprime.com

АННОТАЦИЯ

В статье затрагивается проблема привлечения контролирующих должника лиц в свете оговорки о толковании п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», которая была сделана Конституционным Судом РФ в Постановлении от 21 мая 2021 года № 20-П. В частности, Конституционный Суд указал, что сделанный в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации вывод, связанный с предметом рассмотрения по данному делу, сам по себе не может рассматриваться как исключающий применение такого же подхода к распределению бремени доказывания в случаях, когда кредитором выступает иной субъект, нежели физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности.

Иллюстрируя заложенные в подобную фразу основания для двоякого толкования, автор делает вывод о том, что более предпочтительным является все-таки узкий подход, когда оговорка толкуется в пользу только такого кредитора, который является «иным субъектом, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности».

По мнению автора, такой вывод не только соответствует идее справедливости распределения бремени доказывания с точки зрения статуса кредиторов, но и в целом согласуется с общим запретом извлекать преимущества из недобросовестного поведения.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц, п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО, Постановление КС РФ, недобросовестность, уклонение от ответственности

On Bringing the Controlling Debtor to Subsidiary Liability (Clause in the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Case of Checking the Constitutionality of Clause 3.1 of Article 3 of the Federal Law “On Limited Liability Companies” Dated May 21, 2021 No. 20-P)

Tatiana A. Tereshchenko

PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Department of Civil Law and Civil Process, School of Law, High School of Economics, Head of the Analytical Department of the Law Office “Prime Advice St. Petersburg”, Attorney at Law, FCI Arb, Arbitrator of IAC IUS, Arbitration Center “IMA”, RAC, Saint Petersburg, Russian Federation; t.tereshchenko@hlbprime.com

ABSTRACT

The article touches upon the problem of attracting persons controlling the debtor in the light of the clause on the interpretation of paragraph 3.1 of Art. 3 of the Federal Law “On Limited Liability Companies”, which was made by the Constitutional Court of the Russian Federation in the Resolution of May 21, 2021 No. 20-P. In particular, the Constitutional Court indicated that the conclusion made in the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation related to the subject matter of this case cannot in itself be considered as excluding the application of the same approach to the distribution of the burden of proof in cases where another subject acts as a creditor, rather than an individual, the obligation of the company to which arose not in connection with the implementation of entrepreneurial activities by the creditor.

Illustrating the grounds for ambiguous interpretation laid down in such a phrase, the author concludes that a narrow approach is still preferable, when the clause is interpreted in favor of only such a creditor who is “another subject, the obligation of the entity to which arose not in connection with carrying out entrepreneurial activity”.

According to the author, such a conclusion is not only consistent with the idea of fairness in the distribution of the burden of proof in terms of the status of creditors, but is generally consistent with the general prohibition on taking advantage of unfair behavior.

Keywords: subsidiary liability of persons controlling the debtor, resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation, bad faith, evasion of responsibility

Введение

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации (далее также — КС РФ) по делу о проверке конституционности п. 3.1 ст. 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ об ООО) в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук от 21 мая 2021 г. № 20-П (далее соответственно — ПКС № 20-П) активно обсуждается профессиональным сообществом.

Позиции Конституционного Суда оказывают существенное влияние на правоприменительную практику, особенно если в них осмысливается под иным углом или вообще переосмысливается не только содержание нормы, конституционность которой проверяется, но и общие положения гражданского права.

В частности, живой интерес вызывает не только основная позиция КС РФ и связанный с ней вопрос об «обратной силе разъяснений»: распространяются ли они на все требования, которые удовлетворены после принятия ПКС № 20, или же подлежат применению с момента включения в ФЗ об ООО п. 3.1 ст. 3. Равным образом крайне интересна сделанная КС РФ оговорка, которая может быть воспринята двояко и расширить либо значительно расширить (зависит от толкования) применение правовой позиции КС РФ.

Именно анализу оговорки в контексте ПКС № 20-П посвящена настоящая статья.

Причина обращения с жалобой в КС РФ и ее предмет

Напомню, что причиной подачи жалобы стал факт того, что кредитор (физическое лицо — потребитель) выиграл суд (в июне 2017 г.), получил исполнительный лист (в июле 2017 г.) с возбуждением исполнительного производства (в августе 2017 г.), но добиться исполнения не смог, поскольку в мае 2018 г. общество-должник было исключено из ЕГРЮЛ как недействующее юридическое лицо. Соответственно, исполнительное производство было прекращено в сентябре 2018 г. (абз. 1 п. 1.1 ПКС № 20-П).

Кредитор не сдался и попытался привлечь к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее — КДЛ), которые одновременно являлись его директором, бухгалтером и участниками, на основании п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО, который устанавливает следующее: «Исключение общества из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном федеральным законом о государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) для отказа основного должника от исполнения обязательства. В данном случае если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в п. 1–3 ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества».

Судебное дело было кредитором проиграно во всех инстанциях, которые поддержал Верховный Суд Российской Федерации (далее — ВС РФ). Причинами проигрыша стали, по мнению судов:

а) непредставление истцом доказательств подтверждения факта инициирования КДЛ вывода из имущественной сферы общества ликвидных активов. Соответственно, отсутствие доказательств, безусловно свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) ответчиков, не позволяет привлекать КДЛ к субсидиарной ответственности;

б) «сам по себе факт необращения ответчиков с заявлением в арбитражный суд о признании общества несостоятельным (банкротом) не является достаточным основанием для признания недобросовестности при осуществлении хозяйственной деятельности» (абз. 2–5 ПКС № 20-П)¹.

¹ Подробно о применении п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО и связанных с этим практических вопросах см.: *Алексеева Ю. С., Воскресенская Е. В.* Особенности возложения субсидиарной ответственности на участника общества с ограниченной ответственностью в механизме восстановления нарушенных прав кредиторов. *Ленинградский юридический журнал.* 2018. № 1. С. 77–84; *Гутников О. В.* Развитие корпоративной ответственности в судебной практике. *Журнал российского права.* 2021. № 6. С. 48–65.

Обращаясь в КС РФ, заявительница указала, что положения п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО не соответствуют Конституции РФ «в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они допускают возможность уклонения лиц, указанных в п. 1–3 ст. 53.1 ГК РФ, от субсидиарной ответственности по обязательствам общества, исключенного из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» для недействующих юридических лиц» (последний абзац п. 1.1 ПКС № 20-П) (далее также — ФЗ о государственной регистрации).

Выявленный КС РФ конституционно-правовой смысл п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО

В итоге КС РФ отказал в признании п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО неконституционным, однако выявил его конституционно-правовой смысл, который является общеобязательным и исключает любое иное толкование в правоприменительной практике. Это обусловлено и тем, что КС РФ в своих решениях неоднократно указывал, что в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений (Постановления от 23 декабря 1997 г. № 21-П, от 2 февраля 1999 г. № 4-П, от 28 марта 2000 г. № 5-П и др.).

В частности, в абз. 1 п. 4 ПКС № 20-П КС РФ указал, что п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО:

- ✓ «предполагает его применение судами при привлечении лиц, контролировавших общество, исключенное из ЕГРЮЛ в порядке, установленном законом для недействующих юридических лиц, к субсидиарной ответственности по его долгам *по иску кредитора — физического лица, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности и исковые требования кредитора к которому удовлетворены судом,*
- ✓ исходя из *предположения* о том, что *именно бездействие этих лиц привело к невозможности исполнения обязательств* перед истцом — кредитором общества, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное».

Иначе говоря, КС РФ *ввел опровержимую презумпцию недобросовестного бездействия КДЛ* для целей применения п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО таким видом кредиторов, как «кредитор — физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности и исковые требования кредитора к которому удовлетворены судом».

Существо позиции КС РФ

Изучение п. 2–3 ПКС № 20-П позволяет выделить две значимые идеи, составляющие, как представляется, основу позиции КС РФ.

Первое. Справедливое распределение бремени доказывания важнее, чем правила привлечения к деликтной ответственности.

По мнению КС РФ, несмотря на то, что предусмотренная п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО субсидиарная ответственность является видом гражданско-правовой ответственности с применением к ней общих принципов деликтной ответственности и правил доказывания деликта (абз. 4, 5 п. 3 ПКС РФ № 20-Ф), приоритет должен быть отдан справедливому распределению бремени доказывания.

Обусловлено это тем, что «при обращении в суд с соответствующим иском доказывание кредитором неразумности и недобросовестности действий лиц, контролировавших исключенное из реестра недействующее юридическое лицо, *объективно затруднено*. Кредитор, как правило, лишен доступа к документам, содержащим сведения о хозяйственной деятельности общества, и не имеет иных источников сведений о деятельности юридического лица и контролирующих его лиц. Соответственно, предъявление к истцу-кредитору (особенно когда им выступает физическое лицо — потребитель, хотя и не ограничиваясь лишь этим случаем) требований, связанных с доказыванием обусловленности причиненного вреда поведением контролировавших должника лиц, заведомо влечет неравенство процессуальных возможностей истца и ответчика, так как от истца требуется предоставление доказательств, о самом наличии которых ему может быть неизвестно в силу его невовлеченности в корпоративные правоотношения» (абз. 1, 2 п. 3.2 ПКС РФ № 20-П).

Второе. Бездействие кредитора не означает его неосмотрительность или недобросовестность.

То, что кредиторы общества не воспользовались установленными законом мерами, которые позволяют предотвратить исключение юрлица из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) (п. 3, 4 ст. 21.1 ФЗ о государственной регистрации), не означает, что они утрачивают право на возмещение убытков на основании п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО.

«Во всяком случае, если от профессиональных участников рынка можно разумно ожидать принятия соответствующих мер, предупреждающих исключение общества-должника из реестра, то исходить в правовом регулировании из использования указанных инструментов гражданами, не являющимися субъектами предпринимательской

деятельности, было бы во всяком случае завышением требований к их разумному и осмотрительному поведению» (п. 3.1 ПКС № 20-П).

Оговорка КС РФ (абз. 4 п. 4 ПКС № 20-П) и основания для двусмысленности

«Сделанный в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации вывод, связанный с предметом рассмотрения по данному делу, сам по себе не может рассматриваться как исключаящий применение такого же подхода к распределению бремени доказывания в случаях, когда кредитором выступает иной субъект, нежели физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности. Во всяком случае, федеральный законодатель не лишен возможности внести в нормативное регулирование субсидиарной ответственности лиц, контролировавших юридическое лицо, исключенное из единого государственного реестра юридических лиц (в административном порядке), изменения с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении».

Относиться к этой оговорке можно по-разному.

С одной стороны, ее можно воспринимать как признание КС РФ факта существования практической проблемы, масштаб которой выходит далеко за пределы предмета жалобы, которыми КС РФ ограничен. И это признание в целом обращено к законодателю.

В поддержку такого подхода можно обратить внимание на то, что подобные «намекы» законодателю КС РФ делал и раньше.

Например, в п. 3.4 Постановления Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В. В. Макеева» сделан следующий вывод:

«Таким образом, положения пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 ГК Российской Федерации, как не предполагающие в системе действующего правового регулирования отношений по возмездному оказанию правовых услуг удовлетворение требования исполнителя о выплате вознаграждения по договору возмездного оказания услуг, если данное требование обосновывается условием, ставящим размер оплаты услуг в зависимость от решения суда, которое будет принято в будущем, не могут рассматриваться как противоречащие Конституции Российской Федерации».

Этим не исключается право федерального законодателя с учетом конкретных условий развития правовой системы и исходя из конституционных принципов правосудия предусмотреть возможность иного правового регулирования, в частности, в рамках специального законодательства о порядке и условиях реализации права на квалифицированную юридическую помощь».

Следует отметить, что законодатель на подобный «намек» отреагировал, хотя и не быстро, подтвердив, условно говоря, адресность обращения. Так, Федеральным законом от 02.12.2019 № 400-ФЗ ст. 25 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» была дополнена п. 4.1 о том, что «в соответствии с правилами, установленными советом Федеральной палаты адвокатов, в соглашение об оказании юридической помощи может включаться условие, согласно которому размер выплаты доверителем вознаграждения ставится в зависимость от результата оказания адвокатом юридической помощи, за исключением юридической помощи по уголовному делу и по делу об административном правонарушении».

Равным образом нельзя не обратить внимание на отказной характер данного ПКС № 20-П, которым п. 3.1 ст. 3 ФЗ об ООО признан не противоречащим Конституции. Это обстоятельство наряду с пределами предмета жалобы приводит к выводу о значимости правила о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в том виде, в котором оно закреплено. Тем более что указанное правило в системе правового регулирования взаимосвязано с п. 1–3 ст. 53.1 ГК РФ, конституционность которых сомнению не подвергалась.

С другой стороны, если отвлечься от формальностей, то формулировка оговорки дает повод для ее изолированного восприятия, если сосредоточиться именно на проблемах практики. Тем более что обращение к законодателю сформулировано в отдельном предложении, а указание на неисключение сформулированной КС РФ позиции и для других случаев сформулировано отдельно.

Так, абз. 4 п. 4 ПКС № 20-П начинается с фразы о том, что обеспечение справедливого бремени доказывания важно и для иных кредиторов. При этом пояснение о том, о каких именно кредиторах идет речь, можно прочитать двумя способами. Либо это *вообще иной субъект*, который *противопоставляется* физическому лицу, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности (вариант 1), либо это *иной субъект, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением предпринимательской деятельности*; и такой субъект-непредприниматель противопоставляется тому физическому лицу-потребителю, о котором идет речь в постановлении (вариант 2).

Первый вариант толкования является более широким, чем второй, однако оба из них в той или иной мере создают потенциал для изменения правоприменительной практики в пользу отхода от презумпции добросовестности участников гражданского оборота. Можно найти аргументы за и против любого варианта толкования.

«За» первый вариант. Помимо общих соображений о том, что, в общем-то, все другие кредиторы тоже не участвуют в корпоративных отношениях и ввиду этого в целом испытывают затруднения в представлении доказательств недобросовестности или неразумности контролирующих должника лиц, с точки зрения грамматического анализа фразы нельзя не заметить, что во всем тексте ПКС № 20-П используется следующая терминология: *«кредитор — физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности и исковые требования кредитора к которому удовлетворены судом»*. В этом смысле получается, что иным субъектом являются все остальные лица.

Вместе с тем в том же п. 3.1 ПКС № 20-П специально обращается внимание на то, что все-таки к профессиональным участникам рынка предъявляются повышенные требования осмотрительности для целей защиты своих прав.

«За» второй вариант. Однако если провести параллель с правилами ст. 431 ГК РФ (о толковании договоров), когда в случае двусмысленности буквального текста необходимо смотреть весь документ и его содержательный контекст, то можно обратить внимание на то, что сама оспариваемая норма признана конституционной, выявленный КС РФ смысл ограничен достаточно узким предметом жалобы, фактический отход от правил доказывания деликта (явное исключение из общего правила и принципов деликтной ответственности) сделан по мотивам необходимости обеспечения справедливого бремени доказывания с учетом различий в статусе субъектов гражданского оборота и разной степени строгости требований, предъявляемых к осмотрительности и т. п. При этом любые исключения не толкуются расширительно, а в доктрине для целей толкования еще и применяется принцип толкования в пользу меньшего объема обязательства².

В этом смысле, поскольку акцент КС РФ сделан именно на справедливости распределения бремени доказывания с точки зрения статуса кредиторов, второй вариант выглядит более последовательным при всей «неудачности» из-за двусмысленности формулировок.

Заключение

Будет ли оказывать на правоприменительную практику сделанная в абз. 4 п. 4 ПКС № 20-П оговорка напрямую, то есть до появления каких-либо законодательных изменений, и если да, то в каком виде, покажет время.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что, вводя фактически презумпцию недобросовестности, КС РФ прямо указывает, что в суде контролировавшее лицо может дать пояснения о причинах исключения общества из реестра и представить доказательства правомерности своего поведения. Презумпция недобросовестности фактически применяется только в случае, *«если ответчик отказывается от дачи пояснений или они явно неполные или не предоставляет в суд документацию, то бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц и отсутствия причинно-следственной связи между действиями и невозможностью исполнения обязательств перед кредиторами возлагается на ответчика»* (посл. абз. п. 3 ПКС № 20-П).

Отвлекаясь от того, насколько обоснованно отождествлять (не)добросовестность и (не)правомерность, а также оценочность неполноты и пояснений, можно обратить внимание, что такой подход вполне вписывается в указание п. 4 ст. 1 ГК РФ о запрете извлекать любые преимущества из недобросовестного поведения, а изменение установленного законом бремени доказывания рассматривать как возложение негативных последствий на злоупотребляющую сторону.

Как представляется, такой подход универсален и позволяет комплексно оценивать ситуации и стремиться к обеспечению баланса интересов не только кредиторов, но и должников и контролирующих их лиц³.

² Подробнее о принципах толкования см., например: *Сосипатрова Н. Е., Буров А. Ю.* Толкование гражданско-правовых договоров в зарубежной и российской правовых системах [Электронный ресурс]. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-_1_unicode/17.pdf (дата обращения: 27.07.2021).

³ Тем более что в новейшей практике последовательно проводится идея о необходимости внимательного отношения к доводам контролирующих должника лица. В частности, в п. 19 Обзора практики ВС РФ № 1 за 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021) указано, что неоплата долга кредитором по конкретному договору сама по себе не свидетельствует об объективном банкротстве должника, в связи с чем данный факт не может рассматриваться как безусловное доказательство необходимости обращения его руководителя в суд с заявлением о банкротстве (Определение № 305-ЭС20-11412) [Электронный ресурс]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1949716 (дата обращения: 27.07.2021). Это разъяснение явно ограничивает возможности кредиторов привлекать контролирующих должника лиц (в частности, директора) к субсидиарной ответственности, если при наличии долга по одной сделке организация в целом работает стабильно.

Литература

1. *Алексеева Ю. С., Воскресенская Е. В.* Особенности возложения субсидиарной ответственности на участника общества с ограниченной ответственностью в механизме восстановления нарушенных прав кредиторов. Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 77–84.
2. *Гутников О. В.* Развитие корпоративной ответственности в судебной практике. Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48–65.

References

1. Alekseeva, Yu. S., Voskresenskaya, E. V. Specifics of Imposing Subsidiary Liability on a Participant in a Limited Liability Company in the Mechanism for Restoring Violated Rights of Creditors [Osobennosti vozlozheniya subsidiarnoi otvetstvennosti na uchastnika obshchestva s ogranichennoi otvetstvennost'yu v mekhanizme vosstanovleniya narushennykh prav kreditorov]. Leningrad Legal Journal [Leningradskii yuridicheskii zhurnal]. 2018. No. 1. P. 77–84. (in Rus.)
2. Gutnikov, O. V. Development of Corporate Liability in Judicial Practice [Razvitie korporativnoi otvetstvennosti v sudebnoi praktike]. Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2021. No. 6. P. 48–65. (in Rus.)